

А. С. АЛЕКСЕЕВА
**ЛЕГЕНДА ОБ АРХИЕПИСКОПЕ СЕРГИИ
В АГИОГРАФИИ И ЛЕТОПИСАНИИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

В 1482 г. архиепископ Великого Новгорода и Пскова Феофил, находясь в заточении по приказу Ивана III, отрекается от титула – на его место впервые в истории Новгорода поставлен «москвич» Сергей, занимавший кафедру с 4 сентября 1483 г. по 27 июня 1484 г. Непростые отношения Сергия с новгородцами спровоцировали появление легендарного рассказа о владыке. Исследовавший его В. О. Ключевский [1871] определяет несколько региональных вариантов легенды, дошедших в составе Софийской второй летописи, Псковской второй летописи, Краткого летописца новгородских владык (КЛНВ) и Жития Моисея, архиепископа Новгородского (ЖМ).

Близость двух последних текстов обычно рассматривается как результат влияния одного нарратива на другой. В. О. Ключевский и В. М. Яблонский предполагали, что статья 1484 г. о владычестве Сергия является источником житийного «Чуда об архиепископе Сергии», равно как т.н. «краткая биография Моисея» из статьи 1353 г. КЛНВ послужила основой для биографической части ЖМ [Ключевский 1871, Яблонский 1908]. Противоположное мнение высказала О. Л. Новикова [2000], которая считает, что ЖМ пополнило обе статьи первой редакции КЛНВ, созданного при Новгородском Софийском соборе во второй пол. XVI в. Продвинуться в изучении этого вопроса позволяет внимание к языковой организации статьи 1484 г. и житийного чуда по древнейшему списку Сокращенной редакции – ГИМ. Собр. Е. В. Барсова, №761 (2 пол. XVI в.).

Литература

- Ключевский 1871 – *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Новикова 2000 – *Новикова О. Л.* Новгородские летописи XVI века: дисс... канд. филол. наук. ИРЛИ РАН. Санкт-Петербург, 2000.
- Яблонский 1908 – *Яблонский В. М.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб, 1908.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

М. А. БОБРИК
**НАДПИСЬ НА АЛЕКСЕЕВСКОМ КРЕСТЕ
ИЗ НОВГОРОДСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА
REVISITED**

Речь в сообщении пойдет о поклонном кресте, установленном при архиепископе Алексии (1359—1388) на западной стене Мартирьевской паперти Софийского собора Новгорода (в настоящее время стоит в соборе у северного входа). Надпись на этом кресте – первоклассном произведении белокаменной резьбы и эпиграфической каллиграфии – давно занимает исследователей. Внимание привлекали в первую очередь два проблемных места: обозначение даты ВЪ ЛѢТО ССѢ[.], с досадной утратой знаков для десятков и единиц, и загадочное словосочетание, для которого было предложено несколько версий прочтения. Две из них (Б. А. Рыбакова и Т. В. Николаевой) были справедливо квалифицированы А. А. Туриловым как неприемлемые «из-за явного насилия над языком» (Турилов 2007: 574), хотя в чтении Рыбакова для одного из двух слов проблематичного обозначения (ОБЩАГО) есть здравый смысл (см. ниже). Сам Турилов в специальной, процитированной нами только что работе обосновывает чтение ОВЩАГО ЛѢ[ТА], видя в нем гиперкорректное написание с Щ вместо Ч в реконструируемом обозначении даты по дальневосточному календарю *ОВЧАГО ЛѢ[ТА] ‘в год овцы’.

В сообщении будет показано, что в надписи использовано сочетание ОБЩАГО ЛѢТА – уникальное для древнерусской письменности соответствие понятию *annus communis* ‘обычный год’ по доюлианскому лунно-солярному календарю с учетом эмболисмических лет (с вставным лунным месяцем). Сочетание ОБЩЕЕ ЛѢТО представляет интерес не только как не известный до сих пор (и, соответственно, не учтенный историческими словарями) факт истории русского языка, но и в историко-культурном отношении – как единичный и требующий объяснения факт обращения в таком публичном высказывании, как надпись на поклонном кресте, к особой календарной традиции.

Литература

А. А. Романова. Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002.

Б. А. Рыбаков. Древнерусские датированные надписи XI—XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е4-44. М., 1964. С. 45. № 52.

А. А. Турилов. О времени создания новгородского «Алексеевского» креста: Возможности непалеографической датировки (1367 или 1379 г.) // От Царьграда до Белого моря: Сборник статей по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. М., 2007. С. 571-580.

Я. Н. Щапов. Календарь в псковских рукописях XV—XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1987.

[H. Grotfend.] Taschenbuch der Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit. Für den praktischen Gebrauch und zu Lehrzwecken entworfen von Dr. H. Grotfend. Hannover und Leipzig: Hahn'sche Buchhandlung, 1898.

А. А. ГИППИУС
**ТРИ КОНЪЕКТУРЫ
К «СЛОВУ НА ОБНОВЛЕНИЕ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ»:
К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙШЕГО ПАМЯТНИКА
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЫ***

«Слово на обновление Десятинной церкви», опубликованное в 1850 г. М. А. Оболенским по принадлежавшему ему единственному, впоследствии утраченному списку XVI в., представляет собой русское сочинение домонгольского времени, служащее продолжением переводного Мучения св. Климента Римского. Время создания памятника определялось по-разному, как и отношение его к другому произведению Климентовского цикла – так называемому «Чуду об отрочати», также продолжающему в рукописях текст Мучения и имеющему ряд общих со «Словом» фрагментов. В целом убедительное решение проблемы предложено А. В. Назаренко [2013], показавшим, что «Слово» и «Чудо» восходят к общему источнику, который исследователь называет «Прото-Словом», относя его создание к 40-м г. XI в. К сожалению, в том виде, в каком реконструкция «Прото-Слова» дана в книге А. В. Назаренко, она несвободна от противоречий. В докладе делается попытка преодолеть эти противоречия на основе критики текста памятника и предложения нескольких конъектур, проясняющих риторическую структуру древнейшей восточнославянской гомилии.

Литература

Назаренко 2013 – Назаренко А.В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси [Patrologia slavica, 2]. М.; Брюссель, 2013.

ДЖОРДЖО ДЗИФФЕР
**СИНОДАЛЬНЫЙ СПИСОК И РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ
«СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»**

Почти все, что было написано о *Слове о законе и благодати*, основано на Синодальном списке (Москва, ГИМ, Синод. собр. 591), рукописи новгородского происхождения, которая восходит к 70-ым годам XV века. Почти все переводы этого шедевра киевской литературы также отражают только текст Синодального списка, и почти все исследования говорят о *Слове* так, будто это произведение дошло до нас только в одном списке. Но ведь вместе с этим хорошо известно, что есть и другие 54 списка, к которым можно добавить еще и совсем не скудную непрямую традицию.

История исследований сложилась именно так, потому что со времен Николая Никольского установилось мнение, что Синодальный список представляет собой единственный список первой (полной) редакции и поэтому лучше всех остальных

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

списков передает текст оригинала. Если действительно есть определенное количество случаев, где первоначальный текст сохраняется только в Синодальном списке, то общая ситуация намного сложнее, потому что есть и не меньшее число примеров, когда он, напротив, дает нам вторичный, испорченный текст. Но главное в другом: в нем обнаруживаются следы многочисленных интерполяций и контаминаций. Это значит, что нужно отыскать все эти следы, чтобы понять, что действительно представляет собой Синодальный список.

Однако картина рукописной традиции *Слова* выглядит еще сложнее, так как интерполированными являются также все остальные списки, и контаминированными их важная часть. Тем самым интерполяции и контаминации – две основных черты рукописной традиции *Слова*. Из этого следует, что, если мы хотим решить проблему интерполяций и контаминаций, то нужно изучать текст Синодального списка и текст всех прочих не по отдельности, а вместе. Только так в будущем мы сможем восстановить текст, который больше всего приблизится к оригиналу XI века.

МАРИЯ ЛАЗАР
ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА
НА ОСНОВЕ ЛЮБЕКСКОГО И МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА
И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ
ПРАВОВЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ: ПОПЫТКА ТИПОЛОГИИ

Правовые системы Центральной и Восточной Европы и ряд западно- и восточнославянских правовых языков сформировались во взаимодействии с двумя системами немецкого права – любекского и магдебургского. В докладе ставится цель очертить основные особенности и различия правовой практики на основе любекского и магдебургского права на славянских территориях и исходя из этого охарактеризовать её отражение в вышеназванных славянских языках, которое ещё не получило достаточного освещения с точки зрения лингвистики, особенно в контрастивном аспекте.

Помимо различия сфер применения любекского и магдебургского права, зависевших в первую очередь от типа города, историки права (Ebel 1952; Ebel 2009; Ebel, Schelling 2004; Weitzel² 1990) подчёркивают различия в составе органов судопроизводства и в порядке рассмотрения дел в них (т.н. Rechtszug). На основании этих данных в докладе интерпретируются источники права, написанные на славянских языках.

Практика применения любекского права отразилась в городах на севере и северо-западе Руси, связанных торговлей с Ганзой: в Новгороде, Пскове, Витебске и Полоцке. В этих городах территорией любекской юрисдикции были подворья, на которых селились, вели торговлю, хранили товары и вершили суд немецкие купцы. Однако основное, славянское население этих городов подчинялось обычному¹

¹ От понятия «обычай» (нем. *Gewohnheit*), т.е. устное, неcodифицированное право (Weitzel¹ 1990, 332). Ему противопоставлено учёное (римское) право, преподававшееся в университетах (Avenarius 2012, 31). Согласно этому определению, любекское и магдебургское право также являются обычными правами.

славянскому праву. Можно сказать, что названные города характеризовались сосуществованием двух правовых систем, которые традиционно не пересекались, но были вынуждены находиться во взаимодействии по причине постоянного соприкосновения подчинявшихся им горожан.

Юридическая практика включала в себя договоры, в том числе документы, отражающие процесс согласования отдельных их положений, а также судебную практику немецкой и русской стороны, касающуюся споров о нарушениях рамочных договорённостей или взятых на себя обязательств (ср. Сквайрс, Фердинанд 2002, 108-110; Squires 2009, 60-68). Последние имеют характер правовых запросов немецкой или русской стороны, однако, в отличие от практики, основанной на магдебургском праве, правовой запрос в рамках восточнославянского или любекского права не преследовал цели получить квалифицированный ответ о правовой интерпретации того или иного случая из т.н. оберхофа (авторитетной судебной инстанции).² Его целью было призвать противоположную сторону оставаться в рамках основополагающих договорённостей либо предупредить их нарушение.

Правовой язык этих документов уже к 15 веку, а частично даже и ранее, указывает на различия между новгородскими и псковскими документами с одной стороны и полоцкими и витебскими документами с другой (Lazar 2014, 142-180). Это касается как формуляра, так и способа выражения правовой нормы, которые отражали как характер взаимоотношения между двумя правовыми системами, так и политический градус этих взаимоотношений.

Магдебургское право получило распространение в основном в городах Центральной Европы, а заключение люблинской унии 1569 года дало новый импульс для расширения сферы его применения на востоке Речи Посполитой. Особенность этой правовой системы заключалась в том, что она принималась горожанами привилегированного города в качестве основного законодательства,³ хотя в отдельных сегментах правового поля могла соперничать с местным обычным правом (например, с Литовским Статутом). Это зачастую оговаривалось в привилегиях или т.н. вилькёрах,⁴ которые дополняли регулирование новых реалий правовой жизни, вносили поправки в существующие нормы или отменяли устаревшие положения. Таким образом, магдебургская система городского управления была более гибкой в отношениях с другими правовыми системами, чем любекское право, и даже предполагала непосредственное взаимодействие с ними.

Юридическая практика на основании магдебургского права реализовывалась как в области законотворчества (например, в вышеупомянутых вилькёрах), так и в области судебной практики. Её формы могли быть различными и включать в себя т.н. домашние суды (польск. *sąd domowy* / *sąd osobliwy*), практику судебных слушаний перед коллегией присяжных (*scabini*), а также практику судебных запросов

² Эта практика стала меняться впоследствии в Полоцке и Витебске с конца 14 в. в результате развития местного обычного права, которое было кодифицировано впоследствии как I-III Литовский Статут.

³ И оговаривала исключение отдельных религиозно-этнических групп из-под своей юрисдикции, например, евреев.

⁴ Ср. нем. *Willkür* – (в одном из значений) автономное право территориально ограниченного действия (Ebel 1953, 7-8; Weitzel¹ 1990, 343-344).

в системе оберхофов, которые были призваны предложить квалифицированное решение в особо сложных случаях.

Соответствовала этой практике и сложная жанровая система, которая включала в себя правовые компиляции (базирувавшиеся в том числе на прецедентных правовых решениях магдебургских шеффенов⁵), книги городских записей, а также раннее глоссирование этих текстов, т.е. их научное толкование и, таким образом, сближение обычного права с каноническим (Weitzel¹ 1990, 350).

Правовой язык т.н. «городов саксонско-магдебургского правового круга» (Städte des Sächsisch-magdeburgischen Rechtskreises) имел определённые особенности, которые характерны для его развития в рамках ряда центральноевропейских правовых систем. Он характеризуется сильным немецким влиянием, которое обусловлено практикой перевода средневерхненемецких правовых источников на славянские языки, в которых практически отсутствовала как специфическая правовая терминология, так и способ формулирования правовой нормы, характерный именно для письменной традиции. Нередко решающей здесь была хронология распространения магдебургского права, когда уже сформировавшийся узус в рамках одного славянского языка оказывал – совместно с немецким – влияние на другой, как в случае чешских и словацких диалектов в 15 в. (см. Bily, Carls, Gönczi, Lazar [в печати]).

Подводя итоги, следует отметить, что применение любекского и магдебургского права в Центральной и Восточной Европе различалось по ряду параметров: по территории распространения, по хронологии использования, по характерному порядку правовой практики и по составу типов текста, обслуживавших эту практику. Все эти факторы оказали влияние на формирование правового языка и меру немецкого влияния на него.

В особенности следует обратить внимание на направление перевода между славянскими языками и немецким языком. Если в кругу применения любекского права тексты переводились с восточнославянских диалектов на нижненемецкий, т.к. немецкие купцы были заинтересованы в их освоении, но блокировали – с бóльшим или меньшим успехом – попытки славян освоить нижненемецкий язык (Squires 2009, 36-50), то в кругу применения магдебургского права ситуация была иной: средневерхненемецкие правовые тексты переводились на западославянские диалекты самими славянами, по крайней мере, на первой стадии рецепции магдебургского права в 14-15 вв., а перевод в обратном направлении востребован не был. В результате этого в восточнославянской правовой традиции складывается особая, в терминологии Живова (2008, 321-322) *имплицитная* форма выражения правовой нормы, которая предполагает референцию к ситуации и, таким образом, до 16-17 вв. не порывает связи с устной традицией правового языка. В то же время в западославянских текстах-переводах со средневерхненемецкого языка мы наблюдаем *эксплицитные* формы выражения правовой нормы, которые предусматривают развитие текстовых и межтекстовых связей. Такие переводы основываются на пословном калькировании немецких текстов, следствием чего

⁵ Ср. нем. Schöffe – присяжный.

является развитие явлений, не характерных для устной речи, как, например, конструкций с инициальным глаголом и постпозитивным маркером *li* в условных предложениях в чешском и словацком диалекте, которыми переводились немецкие условные предложения с инициальным глаголом (см. Bily, Carls, Gönczi, Lazar [в печати]). Симптоматично, что обратные процессы можно наблюдать при переводе восточнославянских текстов на нижненемецкий, что обусловило большое количество калек в нижненемецком формуляре регионального извода (ср. Сквайрс 2016, 256).

Следует также отметить, что в меньшей степени эти различия наблюдаются на уровне правовой терминологии: как в текстах любекского, так и магдебургского правового круга можно найти многочисленные лексические интерференции, которые объясняются наличием культурной лакуны будь то в нижненемецком языке, будь то в западно- и восточнославянских диалектах. Однако и здесь следует учесть тот факт, что в кругу любекского права такие интерференции были двунаправленными, в то время как в кругу магдебургского права влияние было однонаправленным. Кроме того, заимствования в кругу любекского права имели локальный и временно ограниченный характер, тогда как в кругу магдебургского права заимствования были связаны с текстовыми синтагмами, переводившимися дословно, поэтому имели шанс закрепиться в языке на длительный период и употребляться в надрегиональной перспективе.

Таким образом, различия правовых славянских языков, испытавших влияние языка любекского и магдебургского права, определялись экстралингвистическими факторами, а также процессуальными факторами записи либо перевода правового текста. Именно факт перевода текстов магдебургского права обусловил влияние немецкого правового языка на славянские и благодаря особой пословной технике способствовал наиболее тесному взаимопроникновению языковых систем. Этот процесс языковой конвергенции поддерживался взаимопроникновением местного обычного и магдебургского права. В свою очередь, при взаимодействии систем восточнославянского обычного и любекского права восточнославянские диалекты оказали влияние на нижненемецкий язык. Однако в данном случае факт языкового контакта не является показателем правового трансфера, подобного тому, который мы наблюдаем в кругу магдебургского права, поскольку восточнославянские системы обычного права и любекское право состояли в отношениях правового партикуляризма.

Литература

Avenarius, M. 2012. Gelehrtes Recht. In: Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Hrsg. von Albrecht Cordes, Heiner Lück, Dieter Werkmüller und Christa Bertelsmeier-Kierst als philolog. Beraterin. 2., völlig überarb. u. erw. Aufl. Bd. 2. Berlin: Erich Schmidt Verlag, Sp. 31-37.

Bily, I., Carls, W., Gönczi, K., Lazar, M. [в печати]. Sächsisch-magdeburgisches Recht in Tschechien und in der Slowakei. Untersuchungen zur Geschichte des Rechts und seiner Sprache. (=IVS SAXONICO-MAIDEBVRGENSE IN ORIENTE. Bd. 5).

Ebel, Fr. 2009. Rechtsentstehung und Rechtstransfer im Spiegel der Überlieferung (Magdeburger und Lübecker Recht). In: Lück, H., Puhle, M., Ranft, A. (eds.). Grundlagen für

ein neues Europa. Das Magdeburger und Lübecker Recht in Spätmittelalter und Früher Neuzeit. (= Quellen und Forschungen zur Geschichte Sachsen-Anhalts. Bd. 6). Köln, Weimar, Wien: Böhlau, S. 37-47.

Ebel, Fr., Schelling, R. 2004. Die Bedeutung deutschen Stadtrechts im Norden und Osten des mittelalterlichen Europa. Lübisches und Magdeburger Recht als Gegenstand von Kulturtransfer und Träger der Moderne. In: *Unseren fruntlichen grus zuvor*. Deutsches Recht des Mittelalters im mittel- und osteuropäischen Raum. Kleine Schriften. Hrsg. von A.Fijal, H.-J. Leuchte und H.-J. Schiewer. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, S. 389-401.

Ebel, W. 1952. Deutsches Recht im Osten. (Sachsenspiegel, Lübisches und Magdeburgisches Recht). Kitzingen a. Main: Holzner. (= Der Göttinger Arbeitskreis. H. 21).

Ebel, W. 1953. Die Willkür. Eine Studie zu den Denkformen des älteren deutschen Rechts. Göttingen: Schwartz. (= Göttinger Rechtswissenschaftliche Studien. H. 6).

Lazar, M. 2014. Von Geld und guten Worten. Entwicklung des russischen Geschäftsbriefes als Textsorte. München, Berlin: Sagner. (= Slavolinguistica. 19).

Squires, C. 2009. Die Hanse in Novgorod. Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen. Mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln [usw.]: Böhlau. (= Niederdeutsche Studien. 53).

Weitzel¹, J. 1990. Gewohnheiten im lübischen und im sächsisch-magdeburgischen Rechtskreis. In: *La Coutume, vol. 2: Europe occidentale médiévale et moderne*. (= Recueils de la Société Jean Bordin pour l'Histoire Comparative des Institutions, Bd. 52). Bruxelles 1990, p. 325-358.

Weitzel², J. 1990. Rechtszug. In: *Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte*, 2. Aufl., hg. von Albrecht Cordes, Ekkehard Kaufmann unter philologischer Mitarbeit von Ruth Schmidt-Wiegand, Bd. 4. Berlin: Erich Schmidt Verlag, Sp. 433-443.

Живов, В.М. 2008. Юридические кодексы и режим интерпретации. In: *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой*. М.: Языки славянских культур, с. 309-328.

Сквайрс, Е.Р. 2016. Правовые (нижненемецкие) тексты Ганзы в Новгороде: источниковедческие аспекты. In: *От «Правды Русской» к российскому конституционализму. Материалы международной конференции, 24-26 сентября 2015, ч. 2. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого*, с. 264-273.

Сквайрс, Е.Р.; Фердинанд, С.Н. 2002. Ганза и Новгород: языковые аспекта исторических контактов. Москва: Индрик.

РОЛАНД МАРТИ
**ЧЕРНОРИЗЕЦ ХРАБР – КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ
AVANT LA LETTRE?**

Один из основателей фонологии Н. С. Трубецкой предложил различать два основных фактора, которые играли существенную роль в создании глаголицы: славянское фонологическое мышление (*slavisches phonologisches Denken*) и греческое письменное мышление (*griechisches Schriftdenken*). С помощью этой дихотомии Трубецкой попытался реконструировать и описать творческий процесс Константина-Кирилла при создании глаголицы (имеется в виду структура и содержание глаголического алфавита, а не графическая форма букв, которой позднее была посвящена работа Чернохвостова). Константин-Кирилл сам не оставил такого описания. Это сделал один из его (косвенных) учеников: черноризец Храбр. Аргументация его текста *О письменехъ* предваряет концепцию Трубецкого на тысячелетие. Можно даже сказать, что Храбр понял мотивацию Константина-Кирилла лучше Трубецкого, потому что имплицитно указывает и на третий фактор, который в докладе условно называется «славяно-греческое фонетическое мышление».

Е. А. МИШИНА
**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ В ОПИСАНИЯХ ПУТИ
И ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОБЪЕКТА***

В докладе будет проанализировано функционирование различных видо-временных форм от глаголов движения – *(по)ити, (до)ити, (за)ити, (вн)ити, (въ)лести, (за)лести* и др. – в древнерусских памятниках в описаниях пути и местоположения объекта.

В древнерусский период такие употребления встречаются преимущественно в летописях и хождениях, в поздний период (XVI–XVII в.) в памятниках типа *Книги большому чертежу*, представляющих географические описания. Внимание исследователей неоднократно привлекало необычное, с точки зрения современного литературного языка, сочетание разновременных и разновидных форм (презенс СВ и НСВ, аорист, в более поздних текстах *-л-* форма) в контекстах, подобных хорошо известному пассажи о расселении славянских племен из *Повести временных лет*. При этом научной литературе предлагались разные объяснения такого функционирования форм (см. обзор в [Горбунова 1997]):

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

– днѣпръ бо потече изъ оковскаго лѣ[са]. и потечеть на полъдне. а двина ис того же лѣса потечет а идеть на полунощье и внидетъ в море варажское (*Повесть временных лет*);

– и естъ рѣка та ннѣ соуха. пѣд землею течеть. и авит же са рѣка та оу моря содомскаго. тоу вхѣднть в морѣ содомскоє (*Хождение игумена Даниила*).

Объяснить нестандартно е употребление видо-временных форм (в частности презентных форм от глаголов СВ) в подобных контекстах помогает привлечение понятия *наблюдателя*, связанного с лексической семантикой глаголов перемещения [Апресян 1986], а также *точки отсчета*, трактуемой как временная позиция наблюдателя, его настоящее время [Падучева 1996]. Говорящий, мысленно следуя вместе с наблюдателем, ориентирует относительно его временной и пространственной позиции все действия и события. Особый интерес представляет возможность сочетания и варьирования разновременных и разновидных форм в одном контексте, имеющая место в древних текстах, в то время как более поздним текстам присуща однородность.

В докладе также предполагается проанализировать употребление действительных причастий настоящего и прошедшего времени от глаголов движения, употреблявшихся наряду с финитными формами в географических описаниях древнерусских памятников, ср., напр., примеры из *Хождения игумена Даниила*:

– а ѿ мѣста стѣго геѡргѣа. пидоучи в горы. до иерсѣлима .к. верстѣ великиихъ;

– полѣзючи въ цркъвь тоу на лѣвои странѣ естъ печѣра глоубока велми;

– а потомъ мѣло поше(д) видѣти елѣвнската гора. и стѣа стѣхъ.

Литература

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. № 28.

Горбунова Е. А. (Мишина Е. А.) Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами) // Вопросы русского языкознания, вып. VII. М., 1997.

Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М. 1996.

А. М. МОЛДОВАН
МОЛИТВА В СТРУКТУРЕ СИНОДАЛЬНОГО СПИСКА
СОЧИНЕНИЙ ИЛАРИОНА*

Среди текстов, написанных митрополитом Иларионом, его Молитва занимает не первое место. Ее текст воспринимается как вполне традиционный в жанровом отношении, что подтверждается и использованием его при богослужении. Ряд текстологических признаков указывает, однако, на то, что Молитва связана со «Словом о законе и благодати» и «Похвалой Владимиру» авторским замыслом и образует с ними содержательное единство.

Списки Молитвы представляют текст в двух версиях. Из них одна, более пространная, отражает исходный текст Илариона, а другая – его редакцию, адаптированную для богослужения.

Исходную версию текста Молитвы лучшим образом передает Синодальный список сочинений Илариона (ГИМ, Син. 591), который сохранил уникальные чтения, отражающие текст и языковые особенности архетипа Молитвы.

П. В. ПЕТРУХИН
СТАРОРУССКИЕ ЭПИТАФИИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ТЕКСТОВ
НА ГИБРИДНОМ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ*

Довольно значительный и постоянно пополняемый корпус текстов русских надгробий XV–XVII вв. остается практически неизученным в языковом отношении. Между тем он содержит массу ценной лингвистической информации. В докладе на ряде примеров будет показано, какого рода лингвистические сведения можно извлечь из этого материала. На фоне пестрой картины русского письменного узуса данного периода лапидарные надписи стоят ближе всего к текстам гибридного регистра, например, к летописям. Как и в последних, в эпитафиях наблюдается варьирование книжных и некнижных грамматических форм и окончаний, причем их распределение зависит от характера описываемого объекта (например, от того, относится ли он к светской или церковной сфере). Среди прочего, памятники содержат ценный материал для исторической ономастики, в частности, обнаруживают механизм формирования фамилий.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

А. А. ПИЧХАДЗЕ

ЯЗЫКОВАЯ РЕДАКТУРА В СКАЗАНИИ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ И В ЧТЕНИИ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ НЕСТОРА*

Сопоставление языковой правки, которой анонимный автор Сказания о Борисе и Глебе подверг свой летописный источник, с редактурой, которую осуществил Нестор, перерабатывая Сказание о Борисе и Глебе с Чудесами, показывает сходные приемы двух агиографов и индивидуальные особенности каждого в подходе к материалу. Создавая агиографический текст из летописного, автор Сказания применяет следующие синтаксические средства: введение дательного самостоятельного вместо других конструкций, употребление конструкции «яко + инфинитив» со значением следствия вместо финитной предикации и сочетания абстрактного существительного с вспомогательным глаголом *имѣти* вместо простого глагола. Лексика летописи заменяется на более книжную, но общераспространенную: *болестъ* → *недугъ*, *събърати* → *съвъкупити*, *луче* → *уне*. Словообразовательные русизмы летописного источника оставлены в Сказании без изменений и даже внесены новые.

Перерабатывая Сказание, Нестор использует те же синтаксические средства, что и автор Сказания при переработке летописного текста: введение дательного самостоятельного вместо других конструкций, конструкции «якоже + инфинитив» со значением следствия вместо финитной предикации, сочетаний абстрактного существительного с вспомогательным глаголом *имѣти* вместо простого глагола. Помимо этих приемов, он использует ряд других: вводит конструкцию с причастием-связкой, сочетание «пассивное причастие + *бывати*» (излюбленное агиографическое клише), винительный с причастием, каузативную конструкцию (*сътворити* + прямое дополнение + инфинитив), а также устраняет кое-где аналитические конструкции (*начати* + инфинитив, пассивное причастие + глагол-связка) и восточнославянскую фразеологию. Нейтральная лексика активно заменяется на специфически книжную: *огнь* → *пламы*, *зажещи* → *опалити*, *добръ* → *благъ*, *волость* → *область* и т. п.; при этом используются очень редкие лексемы (*иступление* → *иступъ*). Русизмы устраняются почти полностью, вводятся малоосвоенные древнерусской письменностью южнославянизмы (*болиими* 'очень'). Принципы языковой правки в Чтении аналогичны языковым установкам, воплощенным в Житии Феодосия Печерского. Насыщение текста церковнославянскими элементами в Чтении гораздо масштабнее, чем в Сказании; кроме того, Нестор использует более разнообразный арсенал средств, нежели автор Сказания, внося в текст как общераспространенные слова и конструкции, так и раритеты.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
**О МАЛОИЗВЕСТНОМ ФЛОРИЛЕГИИ
В РУССКОЙ РУКОПИСИ РУБЕЖА XIV-XV ВВ. (РНБ, Ф.п. I. 44)**

В докладе анализируется текст под названием «Разумы сложения Варнавы Неподобного», опубликованный В. Семеновым в 1892 г. по рукописи РНБ, Ф.п. I. 44. с разночтениями по двум другим спискам XV и XVI вв. [Семенов 1892: 10-16]. Рукопись, содержащая также «Пчелу», «Мудрость Менандра» и «Словьца избранная святого Исухия прозвутера Иерусалимского», выполненная одним писцом, описана В. Семеновым при издании им «Пчелы» [Семенов 1893: 10 – 16; Пичхадзе, Макеева 2008: 45-556]. После М. Н. Сперанского, в 1904 г. обратившего внимание на подборку изречений «Разумы сложения Варнавы Неподобного» [Сперанский 1904: 44], этот флорилегий, помещавшийся в рукописях обычно после Слов Исихия Иерусалимского, но часто в описаниях объединявшийся с Исихием, не привлекал специального внимания. До сих пор не выяснена текстология «Разумов», неизвестен греческий источник, а также южнославянские списки. Предварительные наблюдения над лексико-грамматическими особенностями древнейшего списка Ф.п. I. 44 позволяет сделать предположение об ориентации переводчика/редактора (?) на восточнославянский узус. Об известности «Разумов» в древнерусскую эпоху могут свидетельствовать также цитаты отдельных изречений или их общего источника в летописи, в оригинальных древнерусских сочинениях и в эпиграфике. Открытый жанр книжных изречений, легкость их запоминания способствовали, по-видимому, возможности также их устного бытования, в частности, записываясь по памяти на церковной стене.

Литература

«Пчела». Древнерусский перевод. Том I. Изд. подготовили А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. М. 2008. С. 45–560.

Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследования и тексты. М. 1904.

Семенов В. А. Изречения Исихия и Варнавы по русским спискам. Сообщение Виктора Семенова. // Памятники древней письменности. Т. ХСII, СПб. 1892.

Семенов В. А. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Труд Виктора Семенова // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Том LIV, № 4. СПб. 1893.

ЙОС СХАКЕН

ЧТО ПОДАРИТЬ, ЕСЛИ ВЫ ПРИГЛАШЕНЫ НА СВАДЬБУ В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НОВГОРОД?

Три заметки о берестяной грамоте № 261-264

Корпус берестяных грамот, найденных на территории Новгорода и других городов средневековой Руси, известен широкой аудитории благодаря содержащимся в нем частным письмам, количество которых исчисляется сотнями. Эти письма дают нам уникальное представление о повседневной жизни и межличностном общении в крупном средневековом городе, стратегически расположенном на основных торговых путях между Скандинавией и Византией («из варяг в греки»), и Западной Европой и Востоком. Основной пласт научной литературы посвящен изучению именно этого конкретного «жанра» берестяных грамот, который составляет более половины корпуса.

В докладе мы рассмотрим второй тип документов – это записи на бересте, касающиеся различных финансовых, торговых и бытовых дел. Многие из этих грамот содержат списки имен в сочетании с товарами или денежными единицами. Таким документом является и грамота № 261-264 – предмет нашего исследования. Мы рассмотрим существующую интерпретацию текста и обсудим конкретное значение двух лексем: *ġator* и *bljudo*. Для разъяснения практического характера текста будут приведены сведения из двух дополнительных западных источников (Johan Danckaert 1615 и Tönnies Fenne 1607). Наконец, мы попытаемся установить, кем являлся Terentij Koj – личность, упомянутая в списке.

ALAN TIMBERLAKE

RISE AND SPREAD OF THE CONSTRUCTION OF NUMERALS WITH *ПОЛЬ*

This study examines the history of the (largely unnamed) quantifying construction formed with the semi-independent lexeme *поль* and a numeral. While the related lexeme *половина* initiates multiplication of the quantity expressed by a numeral, *поль* performs the arithmetic operation of subtracting from the stated quantity half of a unit of the arithmetic series to which the numeral belongs (integer, decade, hundred); for example, in the birchbark gramota Б51 / № 381 (XII-th c.) *поль четверть гривъ* the numeral ‘four’, which belongs to the series of integers, is diminished by half of an integer ($4 - \frac{1}{2} = 3\frac{1}{2}$); or in the Novgorod First Chronicle (1230) *почахомъ хлѣбъ купити... кадь ржи по 20 гривенъ, а въ дворех пол 30* the decade ‘thirty’ is diminished by half of a decade (thus $30 - [10 \times \frac{1}{2}] = 25$).

Within Slavdom the *поль* construction is attested only in the north, earliest in Novgorod and later but independently in Poland. Given this geography, the construction did not arise by inheritance from Proto-Slavic but must have been borrowed into Slavic, from Germanic languages, which in turn acquired the construction (perhaps indirectly) from classical languages.

The quantitative construction with *поль* arose in trade, and therefore partakes of the power and prestige of trade, a societal operation which creates value through interaction of distinct groups. This is perhaps the reason why multiple episodes of imitation and borrowing of this construction occur between unrelated languages—classical languages to Germanic, Germanic to Slavic—or among related languages—Novgorod civic Russian to Muscovite *канцелярский язык*.

СУСАНА ТОРРЕС ПРИЕТО ИМПЕРАТРИЦА ПРИ КИЕВСКОМ ДВОРЕ

Общеизвестен тот факт, что христианизация Киева представляла собой движение в первую очередь политическое, направленное на то, чтобы включить Киевскую Русь в международное соглашение, уже заключенное между разными странами.

В докладе не предполагается анализ вышеуказанного исторического события — он посвящен той роли, которую сыграла в нем Анна Багрянородная, дочь и сестра византийских императоров. В процессе передачи идеологии от Византийской империи к новому государству, Руси, деятельность этой женщины, возможно, сыграла решающую роль, хотя она и не стала матерью правящего наследника и у нее, очевидно, вообще не было сыновей.

Одна из проблем, с которой мы сталкиваемся при исследовании жизни Анны Багрянородной, состоит в том, что о ее личности имеется очень мало сведений.

То немногое, что мы можем знать об Анне: ее рождение и родительская семья, брак с киевским князем Владимиром Святославичем, роль в строительстве первой каменной дворцовой церкви в Киеве, а также предполагаемое материнство, и именно этим двум фактам часто посвящается полемика вокруг личности византийской принцессы в научной литературе. В связи с этим, споры вокруг Анны сосредоточены на двух фактах. Во-первых, с какой целью ее выдали замуж. Второй вызывающий споры факт — стала ли Анна матерью, а не только супругой.

Тем не менее, оба эти вопроса возникают только в том случае, если исходить из приведенных выше предположений о геостратегических отношениях Византии с соседями, а также о роли женщин в целом в данный момент истории.

Однако самое интересное, с нашей точки зрения, упоминание об Анне в восточнославянских историографических источниках этого периода, встречается в «Церковном уставе Владимира», первоначальная редакция которого датируется, по видимому, началом XI века.

Нам известно, что Анна, как и следовало ожидать, привезла с собой в Киев церковных деятелей, художников и придворных, среди которых были, возможно, и первые евнухи, ступившие на киевскую землю.

В современной историографии, по всей видимости, постоянно присутствует явная необходимость приписывать Анне традиционную роль супруги и особенно матери, что призвано обосновать — по крайней мере с точки зрения некоторых коллег-мужчин — ее выдающуюся позицию в источниках.

Л. В. МОШКОВА, А. А. ТУРИЛОВ
**К РЕКОНСТРУКЦИИ КОМПЛЕКТА
НОВГОРОДСКИХ ПРАЗДНИЧНЫХ МИНЕЙ
КОНЦА 1250 – НАЧАЛА 1260-Х ГОДОВ**

За последние сорок лет произошли заметные подвижки в датировке целого ряда восточнославянских рукописей XII – XIII вв., в том числе новгородских, причем в сторону как удревнения, так и омоложения. Размах колебаний при этом может превышать полвека. В значительной степени начало этого процесса было связано с подготовкой Сводного каталога XI – XIII вв., однако после выхода справочника в свет (1984) передатировки не прекратились. Применительно к Новгороду это было отождествление в несколько этапов группы рукописей и грамот, написанных пономарем Тимофеем, атрибуция писцу Лествицы РГБ, Рум. 199 последней страницы Лествицы же Рум. 198, написанной взамен утраченной (с датировкой ее не позднее 1197 г.), отождествление писца отрывка Евангелия апракос БАН, 24.4.1 (датировался рубежом XII–XIII вв.) с первым писцом Иловицкой Кормчей 1262 г., осуществленное Л. Цернич еще в 1981 г., но не принятое во внимание при составлении СК XI–XIII (№ 150).

Сюда относится в полной мере и предмет данного сообщения. При сборе сведений о документальных свидетельствах, отразившихся в древних (не позднее XV в.) пробах пера, Л.В. Мошкова обратила внимание, что запись с упоминанием князя Василия («от князя Василия се стоял Чюдине») в Минее праздничной на ноябрь–январь (РГАДА, ф. 381, № 130, л. 162 об.; датируется в справочниках XII – XIII в.) относится не к XIV в., а несомненно выполнена писцом. Это позволило надежно отнести памятник ко времени пребывания в Новгороде князя Василия Александровича (1253–1259 гг., с перерывами), сына Александра Невского; уместно напомнить, что серединой XIII в. датировал рукопись И.И. Срезневский. Характерный почерк рукописи позволяет бесспорно отождествить ее писца с безымянным писцом гораздо более известной Минее праздничной 1260 г. на февраль–август (ГИМ, Син. 895, л. 1–212), частично восстановив тем самым комплект, предназначавшийся, возможно, для какого-то псковского храма (синодальный том поступил на Печатный двор из Пскова). Рукопись РГАДА, вероятно, следует датировать ок. 1259 г. Том на сентябрь–октябрь, по всей видимости, утрачен. Пример наглядно демонстрирует, что если бы корпус славянских рукописей (хотя бы древнейших) был доступен в Интернете (Минее праздничная Типогр. № 130 находится на сайте РГАДА), то подобного рода отождествления и реконструкции осуществлялись бы с большей частотой и легкостью.

Б. А. УСПЕНСКИЙ
КНИЖНОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ ФИТЫ НА РУСИ

1. Под книжным произношением фиты мы понимаем особое произношение буквы *ѳ*, отличающееся от произношения другой какой-либо буквы славянского алфавита.

С древнейших времен у восточных славян фита могла читаться так же, как буква *ѳ* («ферт»), у южных славян — так же, как буква *т* («твердо»). Это отражается на смешении соответствующих букв. В нашей терминологии такое произношение фиты не является книжным. Вместе с тем фита могла произноситься особым образом, так или иначе имитируя произношение греческой теты. В частности, она могла произноситься как сочетание тех или иных букв славянского алфавита, что легко усваивалось при школьном обучении. В этом случае правомерно говорить о ее книжном произношении.

2. Так, в Юго-Западной Руси было принято (может быть, не в качестве повсеместной традиции) произносить фиту как сочетание букв *ѳт*. Эта манера усваивалась в процессе обучения грамоте — при прохождении складов: склады *ѳа*, *ѳе*, *ѳи*... читались здесь как *ѳта*, *ѳте*, *ѳти*... и т.п. Наличие складов, начинающихся на букву *ѳ*, составляет одно из характерных отличий букварей Юго-Западной Руси от букварей Московской Руси (в Московской Руси фита читалась так же, как буква *ѳ*, и, соответственно склады с фитой здесь отсутствовали).

Произношение фиты как *ѳт* было принято в церковном чтении Юго-Западной Руси. Оно отразилось в украинских формах личных имен, таких как *Фтеофан*, *Матѳтей*, *Фтекла*, *Марѳта*, *Тимоѳтей* и т. п. В украинских грамотах такие формы наблюдаются с XV в.

Сочетание *ѳт* было, видимо, условным способом передачи новогреческого произношения теты как спиранта [θ]. Так, в одном из грамматических сочинений XVII вв. говорится, что букве «ѳита» в славянском алфавите, отвечает греческая буква «хтита» (θῆτα), которая произносится как *хт*. Как сочетание *хт*, так и сочетание *ѳт* имитируют новогреческое произношение греческой теты.

3. Есть основания предполагать, что особое книжное произношение фиты (отличающееся от только что описанного) существовало уже в Киевской Руси. На это может указывать гиперкорректная форма *вѳага* 'ветхая' в Толстовском сборнике нач. XIII в.. Это единственный известный нам пример, но едва ли его можно рассматривать как простую опisku. Следует подчеркнуть, что такого рода примеры по необходимости уникальны: гиперкорректная форма с фитой в незаимствованном слове — само по себе исключительное явление.

Произношение фиты как *тх* могло появиться только после падения редуцированных, т. е. не раньше XII в.

Такого рода произношение соответствует древнегреческому произношению теты как аспирированного смычного [t^h]. Насколько случайно это соответствие? Спирантизация смычных в греческом языке относится к эпохе эллинизма: считается, что именно в это время придыхательные согласные, обозначаемые буквами *θ*, *χ*, *φ*, теряют придыхание и начинают произноситься как фрикативные. Мы знаем, вместе с

тем, что они могли произноситься как смычные еще во II–III в. н. (в надписях в римских катакомбах этого времени φ регулярно отражается как f , однако θ еще представлено как th , а χ — как ch или c).

Надо полагать, что произношение теты как смычного согласного могло долго еще сохраняться в культурной традиции (в ученой манере чтения, видимо, овладеваемой при школьном обучении). Именно поэтому в старославянских памятниках фита чередуется с буквой m («твердо»), что указывает на произношение θ как смычного звука (в славянском алфавите не было возможности передать аспирацию смычного, если она сохранялась к тому времени). Вводя в славянский алфавит греческие буквы для передачи греческих слов, Кирилл Философ, конечно, должен был ориентироваться на ученую манеру чтения этих букв.

В восточнославянских и, по-видимому, в македонских памятниках фита чередуется не с буквой m («твердо»), а с буквой ϕ («ферт»). Если чередование θ и m соответствует древнегреческому произношению теты (как смычного), то чередование θ и ϕ отвечает произношению новогреческому (как спиранта).

Из сказанного вытекает, что древнегреческое произношение теты, зафиксированное в эпиграфике II–III в. н. э., еще сохранялось — в качестве ученой манеры чтения — тысячу лет спустя, отразившись в русском памятнике нач. XIII в. Этот вывод, при всей его смелости, не кажется невероятным: автор этих строк в свое время описал архаическую традицию церковного произношения, сохраняющуюся у русских старообрядцев-беспоповцев, где отразились языковые явления XI–XII в.

А. Ф. ЛИТВИНА, Ф. Б. УСПЕНСКИЙ **ЯЗЫК СВЕТСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ДВУИМЕННОСТИ** **НА РУСИ И В РОССИИ**

Такая антропонимическая ситуация, когда у человека в миру есть два христианских имени, не раз привлекала внимание исследователей, однако никогда, в сущности, не становилась предметом самостоятельного рассмотрения. Явление это охватывает огромный период, оно возникает не позднее кон. XIII столетия и представляет собой пусть периферийную, но еще живую традицию в XIX в., а у старообрядцев держится и того дольше. В докладе мы намерены рассмотреть несколько общих положений и специфических тенденций, связанных со структурой и функционированием этого феномена.

1) Христианская двуименность может использоваться для искусственного конструирования принадлежности к определенному роду (самозванцы) или для прямого сокрытия личности, она может задействоваться в специальных магических ритуалах и, соответственно, служить превентивной мерой, препятствующей совершению подобных ритуалов... Однако все это не является ни ее основной функцией, ни причиной ее существования. В целом, это «нормальное» явление русской религиозной жизни, приобретающее в XVI–XVII вв. массовый характер.

2) Христианская двуименность, с одной стороны, социально и гендерно нейтральна, а, с другой стороны, принципы выбора двойного именованя у мужчин и женщин, крестьян, знати и правителей могут заметно различаться.

3) Церковный календарь чаще всего задает выбор обоих христианских имен — одного предельно жестко, тогда как другого — весьма мягко, оставляя максимальный простор для проявления индивидуальных предпочтений нарекающего.

4) Принципиально невозможно составить закрытый корпус обладателей двух христианских имен в миру. Источники, в частности, в целом ряде случаев позволяют говорить о гипотетической двуименности, когда у нас есть все основания думать, что у данного человека есть еще одно, напрямую нигде не названное христианское имя.

5) Проблема двуименности тесно сопрягается с бытованием и оценкой статуса уменьшительных имен в источниках. Здесь мы зачастую сталкиваемся, например, со специфической псевдодвуименностью, а также с заслуживающими отдельного внимания примерами смешения и отождествления различных христианских антропонимов.

6) Система двойных именованй способна уточнить наши представления о запретах и ограничениях, связанных с Богородичным культом в XVI–XVII вв.

7) «Поздняя» двуименность XVIII столетия задействует принцип календарного соответствия имени как таковой, но делает это на уже совершенно иных основаниях, что особенно наглядно просматривается в антропонимическом поведении Петра I.

И. С. ЮРЬЕВА

ЯЗЫК «ХОЖЕНИЯ ИГУМЕНА ДАНИЛА»: ОТДЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ*

0. В докладе будут представлены данные о некоторых особенностях языка *Хождения игумена Данила* (далее ХИД) по списку ГИМ, Синод. Собр., №181 (XVI в.).

1. Интересна система претеритов ХИД: можно обнаружить сходство с языком Новгородской первой летописи старшего извода, которая, в свою очередь, в отдельных точках этой системы от других ранних летописей отличается (употребление имперфектов, плюсквамперфектов, нача-конструкций, частично употребление перфектов).

2. Для ХИД характерна конструкция **есть знать/знати** в значении ‘известно’, ср. и **есть во разсѣліна та на камени томъ знать. и до днѣшняго днѣ** (622б: 6–8).

3. В языке ХИД есть неединичные случаи использования местоимения *все* в роли частицы, например: **высо́кы соутъ го́ры. и прикроу́ты ве́лми . ꙗ́ . днѣ ити въ́ гора(х) тѣхъ страшны́хъ. а днѣ по́ полю ити . а все то подьлѣ́ іерда́на ити . к во́зводоу́ лицѣмъ . и о́лно и до верха́ іерда́нова** (636в:21–18).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова.

4. В тексте *Хождения* встречаются употребления вспомогательного глагола быти в удостоверительном значении при формах презенса знаменательного глагола: **И тоу же есть ражаетса теміанъ, ладанъ. испадываетъ съ нб(с)ъ. ако роса** (620в:4–7).

5. Можно отметить такие синтаксические конструкции, как именительный темы, ср.: **А ѿ столпа же того. близъ есть домъ и оуріевъ. иже оубі егѡ црѣ давид. и поа женоу егѡ вирсавію** (623:22–26).

6. Большим разнообразием в ХИД отличаются описания организации пространства, к примеру:

(А) по способу перемещения: (инфинитивы) **А ѿтоудѡ до крѣты к̄. верстѣ. и тоу есть на великое море выити налѣво въ іер(с)лмъ . а надѣсно ко стѣ(н) гѡрѣ. и к селѡуню .и к римѡ (619а:27–31); (деепричастия в наречном употреблении) и востѡчными дверми. влѣзѡчи в вѣртепъ тои стѣи. на лѣвои роуцѣ(ѣ) есть мѣсто дѡлѣ (631а:9–12);**

(Б) ориентация на человеческий рост и размеры частей тела: **и прѡтѣвоу томоу мѣстоу. на правои рѡцѣ соутѣ тѡ іасли х(с)вы къ западоу лицѣ(м)** (631а:19–22); **посреди же камени того , наверхѡу есть , скважна логти . въглоублеше . А шѣри пѣди кроуглау** (622а:22–25); **двери имѡуше малы. іако(ж) можетъ члкъ влѣсти. на колѣноу поклѡншеса. възвыше есть малаго моуж(а)** (621б:31–34); **и в тольциноу же есть двоу сажень. моєю роукою измѣрихъ школо егѡ** (632в:12–15);

(В) через человеческие возможности: **А ѿ въскр(с)ніа х(с)ва. до стѣа стѣхъ. е(с) вдале іако двож(д)ы дострѣлѣтъ моуж(ж)** (624а:11–13); **велика вельми шводо(м) высота (ж) еи . іако можетъ с неа на полѣднѣ лицѣ! и олно добрый стрѣлецъ . д.ю стрѣлѣти . а на неи стрѣлѣти перестрѣлѣтъ есть . а на земли и с том . гѡрѣ шмїю стрѣлѣти** (640б:14–21); **и то есть близъ стѣны горо(д)ныа. іако доверѣжетъ мѡжъ каменемъ** (621а:19–21); **и есть рж(с)тво х(с)во ѿ камени того стѣгѡ близъ . іако доверѣжетъ моужъ силенъ камениемъ малымъ** (630г:17–21) – и др.